

СОВЕТСКИЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЫ 1960–70-Х ГГ. О ВОЗМОЖНОСТИ «РОМАНТИЗМА ПОСЛЕ РОМАНТИЗМА»: МНЕНИЯ И СПОРЫ

К. Н. Анкудинов

Адыгейский государственный университет

Поступила в редакцию 22 мая 2023 г.

Аннотация: в статье рассматриваются споры советских литературоведов 1960–70-х гг. о возможности существования романтизма за пределами его исторических рамок (окончание XVIII — первая половина XIX вв.) в диапазоне от утверждения абсолютной невозможности «романтизма после романтизма» до его провозглашения, а также различные аргументы каждой из сторон в этих спорах.

Ключевые слова: советское литературоведение, романтизм, «романтизм после романтизма», романтический метод, романтический стиль, романтическое мировоззрение, А. М. Микешин, Г. Н. Поспелов, У. Р. Фохт, А. Ф. Киреева, И. Ф. Волков.

Abstract: in this article are considered disputes soviet specialists in literature 60–70's yeas about the chances existence romanticism after limits his historical lines (ending XVIII-first half XIX centuries) in the diapason from the claim absolute impossibility "romanticism about romanticism" before his declaration, and also the different arguments every party to the dispute.

Keywords: soviet literary study, romanticism, "romanticism after romanticism", romantic method, romantic style, romantic worldview, A. M. Mikeshein, G. N. Pospelov, U. R. Focxt, A. F. Kireeva, I. F. Volkov.

В начале 60-х гг. XX века в советском литературоведении после нескольких десятилетий фактического умалчивания снова заявила о себе «проблема романтизма». Начало этим событиям положила статья А. Н. Соколова «К спорам о романтизме», опубликованная в журнале «Вопросы литературы» в 1963 г. и перепечатанная в сборнике «Проблемы романтизма» (М.: 1967) [1]. В сентябрьском номере «Вопросов литературы» следующего, 1964 года, состоялась «Дискуссия о романтизме», в которой приняли участие Г. Поспелов, В. Кулешов, Е. Цой, А. Гуревич, а также инициатор дискуссии А. Н. Соколов и автор статьи А. М. Микешин. В период с 1965 по 1967 гг. вышли статьи А. Клитко, Н. Гуляева, К. Григоряна, С. Петрова, У. Фохта, Г. Поспелова, посвященные вопросам романтизма как общего явления. Следующий этап споров о романтизме начался после выступления А. Овчаренко на конференции «Актуальные проблемы социалистического реализма», проведенной в ИМЛИ в 1966 году. Это выступление называлось «Романтизм в советской литературе» [2]. Смелый для своего времени доклад А. Овчаренко вызвал активное обсуждение у участников конференции. Его идеи были частично поддержаны У. Фохтом, С. Крыжановским, Е. Тагером и М. Поляковым, однако большинство выступивших на конференции (Б. Бялик, Д. Марков, Н. Гуляев, Н. Лакшин и др.) не согласилось с А. Овчаренко.

В 60-е гг. XX в. стали появляться научные работы, посвященные сначала частным случаям «романтизма вне романтизма», а потом — две обобщающие монографии — «У истоков советской романтической прозы» Л. Егоровой (1966) и «Советская романтическая поэзия. Тихонов, Светлов, Багрицкий.» Е. Любаревой (1969). Уже сами названия этих работ свидетельствовали о том, что их авторы признавали возможность существования романтизма в советской литературе. Противоположная точка зрения была высказана в двух других книгах — в монографии «Эстетика романтизма» В. В. Ванслова (1966) [3] и в книге для учителя «О русском романтизме» Е. А. Маймина (1975) [4]. И В. Ванслов, и Е. Маймин категорически возражали против применения термина «романтизм» по отношению к постромантической (и особенно советской) литературе и культуре.

Очевидно, что ключевым для «споров о романтизме» в советском литературоведении 60–70-х гг. XX в. стал вопрос о возможности (или невозможности) «романтизма вне романтизма», порождавший, в свою очередь, ветвь последующих вопросов и теоретических коллизий.

«Что такое романтизм: метод или направление? Исчерпывается ли романтизм конкретно-историческим литературным направлением определенной эпохи или он существует и за пределами направления? Если верно последнее, то как понимать этот «романтизм вне романтизма» и как широко он распространяется? Чем отличается романтизм от дру-

гих художественных методов и прежде всего от реализма? И в чем же, наконец, сущность романтизма? Таков примерный и далеко не полный перечень дискуссионных вопросов» [1, 6].

Шестидесятые годы были временем споров о романтизме, в последующие семидесятые годы по умолчанию сформировался литературоведческий мейнстрим отношения к «романтизму вне романтизма» — тонкий и довольно уклончивый. Наиболее внятно он был сформулирован в статье А. М. Микешина «Проблема исторических судеб русского романтизма в современном литературоведении», опубликованной в сборнике «Из истории русского романтизма» (Кемерово, 1971) [5]. В этой статье А. Микешин выделяет три, по его мнению, общепринятых значения термина «романтизм». Во-первых, это определенное направление в европейской литературе и искусстве конца XVIII-начала XIX вв. (конкретно-исторический романтизм). Во-вторых, это метод, который лежал в основании романтического направления, однако переживший свое направление и использовавшийся писателями вплоть до начала XX века. В-третьих, это неотъемлемый метод социалистического реализма [5, 21]. В вышедшем позже методическом пособии для учителей «Исторические судьбы русской романтической поэзии» (1973) [6] А. Микешин добавляет к этим трем общепринятым значениям слова «романтизм» — четвертое; это «общественно-психологическое настроение, включающее в себя мечтательность, стремление к возвышенному и героическому, эмоциональный порыв к прекрасному, надбудничному и т. п., которые могут быть раскрыты средствами и классицизма, и сентиментализма, и романтизма, и реализма...» [6, 13]. В обеих работах А. Микешин указывает два других, не общепринятых, а спорных значения понятия «романтизм: это — «революционный романтизм» как самостоятельное течение в советской литературе 20-х гг. и романтическое стилевое начало в литературе социалистического реализма [5, 21; 6, 14]. Нетрудно заметить, что из этих шести значений «романтизма» одно оставляет романтизм в его исторических пределах (романтизм как направление), два других — выводят романтизм за эти пределы, но все же не берут его в современность (романтизм как направленный метод доходит до начала XX века, «революционный романтизм» исчерпывается двадцатыми годами XX века). О двух других значениях «романтизма» А. Микешин говорит, что они (полностью или частично) синонимичны близкому по звучанию слову «романтика» (мечтательное общественно-психологическое настроение — это безусловная романтика, а метод социалистического реализма — «революционная романтика») [6, 14]. Остается единственное значение, допускающее возможность романтизма в современной литературе, но не синонимичное «романтике»; это романтизм как стиль.

Появление слова «романтика» не случайно: именно этим словом противники «романтизма вне романтизма», такие как В. В. Ванслов и Е. А. Маймин, доказывали его невозможность.

«Существует точка зрения, согласно которой о романтическом методе в советском искусстве следует говорить в плане его одновременного сосуществования с социалистическим реализмом как метода побочного по отношению к главному. Эта точка зрения представляется нам ошибочной. Допущение наряду с социалистическим реализмом как основным методом еще и просто реализма, романтизма и других (быть может, классицизма, натурализма?), пусть не основных, но все же столь правомерных, самостоятельных методов, по существу равносильно отказу, хотя бы частичному, от художественного прогресса и консервации в нашей современности методов, рожденных прошлыми эпохами и специфических именно для них.

Гораздо правильнее, как нам кажется, говорить не о самостоятельном романтическом методе, существующем в советском искусстве одновременно и наряду с социалистическим реализмом, а о традициях романтизма в советском искусстве. Романтика свойственна всему советскому искусству и неотделима от него» [3, 395].

«В наше время и писатели, и ученые предпочитают говорить не о романтизме, а именно о *романтике* (курсив авторский. — К. А.). Дело тут не в словах, но в содержании понятий. Романтизмом называют литературное направление и метод. Как направление и как метод романтизм в основе своей противоположен реализму. Иное дело романтика.

Романтика, не противопоставляющая себя действительности, но помогающая построить ее на высоких человеческих началах, не только не противоречит, но и находится во внутренней согласии с нашей жизнью. Она находится и в согласии с основной, реалистической направленностью советской литературы, с методом социалистического реализма» [4, 238].

Налицо две несовместимые точки зрения: А. Микешин считает, что романтический метод может существовать вне романтизма, в том числе в современной советской литературе (пускай как «революционная романтика»), а В. Ванслов и Е. Маймин утверждают, что романтизм как метод несовместим, по крайней мере, с социалистическим реализмом (а вероятно, и с иными постромантическими методами). Утверждения В. Ванслова и Е. Маймина императивны. Правда, В. Ванслов говорит об опасности отказа от художественного прогресса и консервации в современности методов, рожденных прошлыми эпохами. Кстати, он повторяет аргументы противника конкретно-исторического романтизма Н. И. Надеждина, в диссертации «О происхождении, природе и судьбах поэзии (1830) утверждавшего, что «дух романтической поэзии вытекал непосредственно из духа средневеко-

вья», однако «мир, в котором мы живем, коренным образом отличается от средних веков» и потому «восстановление романтической поэзии в наше время невозможно» [7, 252–253]. Е. Маймин же подмечает, что романтизм (в отличие от романтики) противопоставляет себя действительности. Это верно; но в советской литературе 60–70-х гг. было немало произведений, в которых проглядывают противопоставления авторского «я» действительности. Понятно, что официальные советские литературоведы не могли упоминать об этом, но это не отменяет данную особенность литературы того времени.

Противопоставление романтизма как конкретно-исторического направления и допустимой в советской современности «романтики» восходит к единой точке — к точке зрения П. Н. Поспелова. В расширенном виде эта точка зрения была явлена в подробной и аргументированной статье «Что же такое романтизм?», опубликованной в упомянутом выше сборнике научных статей «Проблемы романтизма» (М.: 1967). П. Поспелов начал эту статью с утверждения, что в манифестах русских романтиков (А. Бестужева, О. Сомова, П. Вяземского, В. Кюхельбекера, Н. Полевого и др.) вообще нет единого интегрирующего начала. Эти разноречивые манифесты были предназначены для того, чтобы совместно опровергнуть нормативную программу классицизма. За вычетом «борьбы с классицизмом» романтиков, по мнению П. Поспелова, не связывали никакие общие положения. Также П. Поспелов указал на то обстоятельство, что общепринятые исследователями «признаки романтизма» не выявляются в «эталонно романтических» произведениях, но выявляются в произведениях неромантических.

«В южных поэмах Пушкина, например, нет ни религиозности, ни интуитивности, ни иррационализма, ни историзма, ни даже истинной народности. Есть только индивидуализм, да и тот в образах пленника и Алеко получает отрицательную идейно-эмоциональную оценку. А между тем это произведение совершенно отчетливо, законченно и полноценно романтическое...

...Например, в «Братьях Карамазовых» можно найти, видимо, <...> все приведенные показатели романтизма. Но это произведение никак невозможно считать романтическим...» [8, 51].

Из всего сказанного очевидно, что П. Н. Поспелов (наряду с В. Ф. Лазурским, Б. Г. Рейзовым, А. М. Гуревичем) принадлежал к т.н. «номиналистам от романтизма», считавшим, что понятие «романтизм» не имеет типологического смысла, что оно имеет только исторический смысл в каждой данной стране и в каждый данный отрезок времени.

Далее П. Поспелов напоминает о том, что явившийся на смену романтикам теоретик реализма («натуральной школы») В. Г. Белинский придал понятию «романтизм» иное, эмоциональное значение

(«Романтизм — принадлежность не одного только искусства, не одной только поэзии: его источник в том, в чем источник и искусства и поэзии — в жизни. Жизнь там, где человек, а где человек, там и романтизм. В теснейшем и существеннейшем своем значении романтизм есть не что иное, как внутренний мир души человека, сокровенная жизнь его сердца») [9, 115]. Неудивительно, что для В. Белинского «...романтизм не есть достояние и принадлежность одной какой-нибудь страны или эпохи: он — вечная сторона природы и духа человеческого; он не умер после средних веков, а только преобразился» [9, 141]. Именно это значение слова «романтизм» («романтизм по Белинскому») и есть синоним понятия «романтика». Подытоживающие же смысл романтизма как культурно-исторического явления литературоведы, начиная с середины XIX века (то есть после того как конкретно-исторический романтизм сошел со сцены), стали интегрировать изначально не интегративный романтизм, формируя романтические «направления», «течения», «школы», «методы», «стили».

«Таким образом, в русской литературной критике, истории и теории литературы словом «романтизм» называли то определенную творческую программу, направленную против классицизма, то исторически повторяющуюся разновидность пафоса творчества, то определенное литературное течение, то общие особенности стиля, то один из творческих методов, который можно найти в литературе всех творческих эпох» [8, 53].

Итак, П. Поспелов выделяет два явления, называемых словом «романтизм» — совокупность творческих практик и манифестов в рамках конкретно-исторического романтизма («романтизм по романтикам») и «стремление к лучшему и возвышенному» («романтизм по Белинскому»), то есть собственно романтику. Сочетание этих двух явлений в различных пропорциях создает различные концепты романтизма. По мнению П. Поспелова, не имеющие между собой ничего общего романтические «течения» создают единое романтическое «направление». Романтический стиль в постромантической литературе вдохновлен и создан романтикой (настроением), но не романтизмом как направлением. Что касается «романтического метода», П. Поспелов рекомендует отказаться от этого, неудачного на его взгляд, литературоведческого термина (его неудачность заключается в том, что данный метод возможно выявить и в произведениях доромантического периода, например, в текстах античной и средневековой литературы).

«Гораздо проще раз навсегда отказаться от такого значения термина «романтизм» и для обозначения нереалистического принципа художественного отражения жизни найти особый и соответственный по своему смыслу термин. К сожалению, такого об-

щепризнанного термина у нас до сих пор нет. Единственный выход — предлагать подобные термины в надежде, что какой-то из них удержится» [8, 72].

П. Н. Поспелов подвел базу под невозможность «романтизма после романтизма», рассортировав романтические феномены по категориям. Отныне они должны были попадать либо в категорию «романтизма в эпоху романтизма», либо в сферу «романтики», либо быть отнесены к мнимостям.

Петр Поспелов был не только литературоведом, но еще и советским идеологом, близким к высшим партийным кругам. Спорить с ним было небезопасно, однако с его точкой зрения спорили многие специалисты, причем не всегда прикровенно, как А. М. Микешин, допуская возможность романтического метода (и даже в двух ипостасях), но не заявлявший об этом в декларативной форме. В сборнике «Проблемы романтизма» вслед за статьей П. Н. Поспелова была опубликована статья еще одного советского теоретика литературы, У. Р. Фохта «Некоторые вопросы теории романтизма (Замечания и гипотезы)» [10], знакомившая читателей с выкладками, прямо противоположными тому, что было сказано П. Поспеловым. У. Фохт принадлежал не к «номиналистам от романтизма», а к противоположному лагерю литературоведов — к «обобщителям от романтизма», бравшим за основу романтизма какой-либо один признак. Основоположником этого подхода к романтизму был Алексей Веселовский со статьей «Западное влияние в русской литературе» (1883), в которой было дано шестнадцать определений романтизма. Среди советских литературоведов «обобщителями от романтизма» были Г. Гуковский, П. Коган, В. Сиповский, П. Сакулин, Б. Мейлах, Н. Гей, и В. Ванслов. Каждый из «обобщителей от романтизма» выдвигал в качестве основополагающего свой признак романтизма. Необходимо заметить, что «обобщительские» теории давали несравненно больше шансов «романтизму после романтизма» по сравнению с «номиналистскими». Ведь если (фактически) не было собственно романтизма, то не будет и постромантизма; однако если суть романтизма определяется одной чертой, тогда эту черту возможно выявить и в произведениях, созданных за пределами хронологических рамок направления. Для У. Р. Фохта таковая черта — интуитивный метод познания художником действительности.

«Можно предположить, что гносеологической предпосылкой романтизма, возникшего в конце XVIII века и затем вновь усилившегося в переходные эпохи, является интуитивное познание действительности.

В этом его существенное отличие от реализма, в основе которого лежит наблюдение, изучение, обобщение, типизация объективной реальности» [10, 78].

По мнению У. Фохта, интуитивный метод, так или иначе, используется всеми писателями всех на-

правлений, поскольку интуиция неотделима от человеческой личности, однако «что же касается романтизма, то здесь интуиция становится не только средством конструирования целостной картины жизни, но и основным (хотя и не единственным) путем постижения ее закономерностей» [10, 80]. Также У. Фохт считал, что «общественными условиями, благоприятствующими романтизму», становятся «переходные эпохи, когда происходит смена жизненных укладов» [10, 85]. «Эти гносеологические, общественные и идеологические предпосылки романтического метода в искусстве теснейшим образом взаимосвязаны.

Они обуславливают собой романтизм как художественный метод, который характеризуется тремя принципами: субъективной (лирической) типизацией, абсолютизацией типизируемого, двухплановой конструкцией образа. Эти принципы в романтизме органически слиты. Но каждая из них проявляется в определенных структурных средствах [10, 85].

От этих положений пролегает только один шаг до признания возможности существования «романтизма после романтизма». У. Р. Фохт делает этот шаг. Он утверждает, что «в России романтизм, возникнув в начале XIX века, никогда не прекращал своего существования и развития, своего воздействия на литературу и жизнь, уступив реализму в 40-е годы XIX века место господствующего направления. Но и после этого романтизм продолжал свою жизнь на протяжении всех последующих десятилетий, расчлняясь на ряд течений, играя то большую, то менее существенную роль в развитии нашей литературы» [10, 90]. Также У. Фохт подчеркивает значение романтизма в советской литературе, ссылаясь на высказывания А. Бушмина, А. Овчаренко, Л. Егоровой, а также на общие результаты дискуссии о романтизме 1966 года в ИМЛИ. В русле «обобщительской» методологии романтизма У. Фохт рекомендует определять романтизм не по сложившимся в советском литературоведении дихотомиям «революционный-реакционный» или «активный-пассивный», но по структурным признакам: «психологический романтизм», «философский романтизм», «социальный романтизм». Крайне интересна развернутая цитата А. Бушмина, приведенная У. Фохтом. Судя по ней, А. Бушмин в принятии «романтизма после романтизма» идет еще дальше У. Фохта; он признает не только романтизм как метод и романтику как элемент социалистического реализма, но еще и «романтическое течение, которое мы вправе рассматривать как незавершенный процесс перехода в социалистический реализм» [11, 16]. В ответ на это А. Овчаренко сделал еще один шаг, предложив ввести в научно-теоретический оборот новый термин — «социалистический романтизм» как направление, альтернативное нормативному в советской литературе социалистическому реализму и характеризующее творчество А. Грина, Э. Багриц-

кого, Ю. Яновского, А. Левады, С. Вургуна. Это предложение А. Овчаренко сопроводил риторическим вопросом — если творчество Александра Грина никак невозможно рассматривать в качестве реалистического, то «неужели Александр Грин просто не дотянул до реализма?» [2, 38].

Но и позиция А. Овчаренко по отношению к роли романтизма в постромантической (в первую очередь, в советской) литературе в 60–70 гг. была не предельной в среде советских литературоведов. Высказывались более радикальные взгляды, которые, перефразируя советский слоган, можно обозначить как «романтизм жил, романтизм жив, романтизм будет жить».

Известный советский литературный критик Алла Киреева — автор статьи «Методологические послышки к изучению романтизма», опубликованной в упоминавшемся выше сборнике «Из истории русского романтизма» (Кемерово, 1971) [12]. В этой статье А. Ф. Киреева выступает в качестве теоретика литературы (проявляя при этом далеко не литературоведческую темпераментность). Открывается статья категорическим несогласием с принятым в советской культуре отождествлением романтизма с философским идеализмом; такой подход объявлен «недиалектическим» и «пролеткультовско-рапповским». А. Киреева сопоставляет концепции В. Фриче, И. Нусинова, А. Упита (к 1971 году официально признанные устаревшими и несостоятельными) с утверждениями респектабельного отрицателя «романтизма вне романтизма» В. Ванслова, привязывавшего способности миропонимания к конкретным классово-историческим ситуациям (в частности, романтизм к зарождению капитализма, отчуждавшего людей друг от друга и побуждавшего их тосковать по идеалу). Алла Киреева заметила, что «противопоставление идеала и действительности управляет областью эстетических отношений и является одним из основополагающих законов искусства», задаваясь вопросом «как же можно общие законы художественного творчества, хотя бы и в специфическом преломлении, вменить в вину романтизму!» [12, 55]. Таких возмущенных вопросов в статье А. Киреевой немало. Автор статьи то реагирует на тезис В. Ванслова об «остаточных отзвуках времен зарождения капитализма»: «Хороша остаточность, если она дала А. К. Толстого, А. Блока, К. Паустовского, если она пышным цветом распустилась в украинской, грузинской, среднеазиатских и других национальных литературах» [12, 53], то недоумевает оттого, что романтизм сводится к Бенедиктову, Кукольнику, Загоскину, декадентам; ведь «ни один из них какого-либо определяющего влияния на развитие литературы не оказал» [Киреева, 12, 63]. А. Киреева считает, что «для романтизма решающее значение приобретает фактор субъективный, мысль, выходящая за пределы видимого» и позволяющая творцу-романтику «вычленять ло-

гическое начало в историческом процессе» [12, 62]. Этот фактор может не совпадать с устоявшимися формами, сложившимися в пределах романтизма как конкретно-исторического направления. Вывод А. Киреевой таков...

«Отражая одну действительность, романтизм, как и реализм, классицизм и другие виды искусства, имеет собственную структуру и свою специфическую функцию, что по закону единства формы и содержания ведет к целой системе специфических отличий в объекте изображения, типе творческих задач, структуре образа и стиля. Это значит, что как относительно самостоятельные формы отражения жизни, обусловленные потребностями общественной практики, романтизм и реализм не противостоят и не подменяют друг друга. Они едины с точки зрения общественных задач формирования сознания читателя, зрителя. Поэтому романтизм и не может быть заключен в узкие рамки историко-литературного направления. Он появляется везде, где в нем есть потребность, но появляется, разумеется, в новых формах и в новом содержании, ибо диалектика развития не допускает повторений» [12, 57].

Такие сторонники «романтизма без берегов», как А. Латынина и У. Фохт, не одержали победу в сфере советского литературоведения: «социалистический романтизм» не прижился в этой сфере; и даже в 80-х гг. XX в. бдительные стражи чистоты марксистско-ленинской эстетики, например Ю. Барабаш, с неудовольствием поминали «пропагандируемую рядом авторов концепцию так называемого «революционного романтизма», не имеющую под собой ни малейших оснований», сопоставляя эту концепцию с выкладками «ревизиониста» Роже Гароди [13, 125–136]. Но и противники «романтизма без берегов» — «номиналисты от романтизма» — также не победили. Как часто случается, возобладали «средняя линия». Анализ текстов советских монографий, научных статей, пособий, учебников, а также словарно-энциклопедического материала 70-х гг. XX в. показывает, что негласно была принята точка зрения «центристов» — «интеграторов от романтизма», к которым относились и А. Н. Соколов, и А. М. Микешин, и подавляющее большинство тогдашних литературоведов. «Интеграторы» полагали, что, с одной стороны, романтизм существовал и представлял собой несомненное историко-культурное единство, но, с другой стороны, они указывали, что сущность романтизма определяется не одним признаком, но совокупностью различных признаков. «Интеграторы» признавали правомочность употребления по отношению к советской литературе термина «романтизм» — но исключительно в пределах значения «дополнительно-практический художественный метод, творчески пересоздающий действительность». Если быть совсем точным, они воспринимали романтизм как технический прием, как нечто заведомо подсобное, прикладное по от-

ношению к единственно возможной в советских условиях методологии социалистического реализма. Позиция «умеренных» формально продолжала «допоспеловскую» парадигму подхода к романтизму, в которой понятия «романтизм» и «романтика» не вполне разделялись, однако эта взвешенная позиция открывала определенные перспективы расширения методов советской литературы.

Наиболее значимым текстом «интеграторов» стала статья И. Ф. Волкова «Основные проблемы изучения романтизма», опубликованная в сборнике «К истории русского романтизма» (1973) [14]. В этой статье внимательный исследователь сопоставил тексты предромантической (но не романтической) литературы (в первую очередь произведения немецких «штюрмеров» XVIII века) и романтические тексты, выявив существенное отличие между ними. «Штюрмерский герой не отделен от мира, не одинок» [14, 12–13], тогда как «О романтическом герое... можно в самом деле сказать, что для него «не существует общество, не существует человеческий род: он весь погружается в себя, он от одного себя ждет спасения»» [14, 13]. На основании этого И. Ф. Волков сделал чрезвычайно существенный вывод: «Именно романтизм открыл для литературы личность как таковую — самоценную не только в смысле неповторимости своих индивидуальных черт, но и по глубинному содержанию своего характера — и этим значительно сблизил искусство с реальной человеческой жизнью» [14, 20]. В его статье не было сказано ничего в отношении проблемы «романтизма после романтизма», но само признание открытия романтизмом «личности как таковой» дало карт-бланш «романтизму после романтизма», ведь «личность как таковая» стала центральным объектом исследования во всей постромантической (и в том числе советской) литературе.

Таким образом, можно признать, что при всей разногласии мнений советское литературоведение 60–70 гг. XX в. клонилось к допущению возможности «романтизма после романтизма» (преимущественно в форме романтизма как метода, являющегося частью нормативного социалистического реализма).

*Адыгейский государственный университет
Анкудинов К. Н., кандидат филологических наук, доцент,
кафедра литературы и массовых коммуникаций
E-mail: ankudinovkirill@rambler.ru*

ЛИТЕРАТУРА

1. Соколов А. Н. К спорам о романтизме / А. Н. Соколов // Проблемы романтизма. — М.: Искусство, 1967. — С. 5–40.
2. Овчаренко А. И. Романтизм в советской литературе / А. И. Овчаренко // Материалы научной сессии ИМЛИ им. А. М. Горького «Актуальные проблемы социалистического реализма». — М.: ИМЛИ, 1966. — С. 37–43.
3. Ванслов В. В. Эстетика романтизма / В. В. Ванслов. — М.: Искусство, 1966. — 404 с.
4. Маймин Е. А. О русском романтизме. Книга для учителя / Е. А. Маймин. — М.: Просвещение, 1975. — 240 с.
5. Микешин А. М. Проблема исторических судеб русского романтизма в современном литературоведении / А. М. Микешин // Из истории русского романтизма. — Кемерово: КемГПИ, 1971. — С. 3–50.
6. Микешин А. М. Исторические судьбы русской романтической поэзии / А. М. Микешин. — Кемерово: КемГПИ, 1973. — 212 с.
7. Надеждин Н. И. О происхождении, природе и судьбах поэзии, называемой романтической (1830) // Надеждин, Н. И. Литературная критика. Эстетика / Н. И. Надеждин. — М.: Художественная литература, 1979. — С. 118–253.
8. Поспелов Г. Н. Что же такое романтизм? / Г. Н. Поспелов // Проблемы романтизма. — М.: Искусство, 1967. — С. 42–76.
9. Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина. «Отечественные записки», 1843, — № 6 // Белинский, В. Г. Собрание сочинений: в 9 т. / В. Г. Белинский. — М.: Худож. лит., 1981. — Т. 6 — С. 74–544.
10. Фохт У. Р. Некоторые вопросы теории романтизма (замечания и гипотезы) // Проблемы романтизма. — М.: Искусство, 1967. — С. 77–91.
11. Бушмин А. С. Социалистический реализм / А. С. Бушмин. — М.: Русская литература, 1963. — № 4. — С. 5–23.
12. Киреева А. Ф. Методологические предпосылки к изучению романтизма / А. Ф. Киреева // Из истории русского романтизма. — Кемерово: КемГПИ, 1971. — С. 51–68.
13. Барабаш Ю. Я. Вопросы эстетики и поэтики / Ю. Я. Барабаш. — М.: Современник, 1983. — 416 с.
14. Волков И. Основные проблемы изучения романтизма / И. Волков // К истории русского романтизма. — М.: Наука, 1973. — С. 5–36.

*Adugion Governmental University
Ankudinov K. N., Candidate of Philology, Docent, Department
of Literature Science and Journalism
E-mail: ankudinovkirill@rambler.ru*